

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ БРИТАНИИ

(VI–VIII ВЕКА)

М.М. ГОРЕЛОВ

Возникновение и развитие ранней государственности у народов Британских островов в эпоху Великого переселения народов сопровождалось процессами христианизации и складыванием новой, средневековой культуры. Переход от архаического общества к более развитой стадии повлёк за собой потребность в образованных кадрах, необходимых для функционирования церкви и государственного аппарата. В этих условиях образовательные институты общества постепенно теряли свой прежний, традиционный характер. Языческое жречество, ранее являвшееся хранителем знаний и обычаев, уступает место христианскому клиру. Монастыри становятся центрами образования и книжности. На территории Британии происходит органичный синтез римско-католической и кельтской церковных традиций, что привело к расцвету культуры и образования в регионе в эпоху Поздней Античности. Вместе с тем, уровень монастырского образования оставался невысоким, соответствуя уровню развития общества, а система обучения — довольно хаотичной. Ключевую роль играла личная заинтересованность учащегося, способного достичь больших высот при наличии должной инициативы. Образование мыслилось как индивидуальный «путь христианина», а не как стандартизированная система. Важнейшее место занимала рецепция античных знаний и наследия через призму нового религиозного осмысления и восприятия окружающего мира. Рецепция античного наследия на Британских островах не была централизованным и линейным процессом, а зависела от конкретных локальных традиций и духовных авторитетов, поскольку ранняя государственность островных народов пребывала фактически на племенном уровне, и церковные структуры располагали известной степенью свободы в деле обустройства новых культурных реалий. Некоторые

из деятелей церкви критически относились к античному наследию, видя в нём пережитки язычества. Другие, напротив, высоко ценили его, особенно в условиях нехватки каких-либо иных методик обучения, преподавания. Кроме того, Античность предоставляла в распоряжение социумов раннего Средневековья огромный массив собственно знаний о мире, накопленных за долгие века и необходимых даже с чисто практической точки зрения. Это неизбежно вело к синтезу двух культур.

Образование — характерный маркер цивилизации, то есть общественного состояния, противоположного первобытности. Оно тесно связано с другими маркерами: письменностью, урбанизмом, государственностью, — и все они отражают тот уровень восприятия обществом окружающего мира, который постепенно растет с развитием самого общества, переживающего свои разные исторические возрасты. В этой связи эпоха Поздней Античности на периферии греко-римского мира во многом уникальна тем, что здесь молодые этнические общности, не так давно вышедшие из первобытного состояния, совершали динамичную эволюцию посредством приобщения к наследию античной культуры, первоначально чужой им. Великое переселение народов, оборвавшее политическое бытие Западной Римской империи, привело не только к возникновению новых молодых государств, созданных варварскими племенами на обломках империи, но и к процессам культурного синтеза, ставшего истоком формирования средневековой культуры. Интересным примером данных процессов являлась Британия, в которой они шли сколь общим, столь и особенным образом.

В античную эпоху Британские острова были дальней периферией известной грекам и римлянам ойкумены. К моменту прихода туда римлян они были населены в основном кельтскими племенами, находившимися на стадии разложения родового строя и формирования ранней государственности в виде племенных союзов. Пребывание Британии в составе Римской империи было хотя и относительно долгим — около трех столетий (сер. I – сер. IV в. н. э.), — однако не повлекло за собой глубокой степени романизации местного социума. Она носила поверхностный характер: с одной стороны, возникла целая сеть римских городов, разраставшихся обычно

из военных лагерей легионов; в них проживали римские колонисты и романизированное местное население — романо-бритты, что в целом демонстрировало ту же тенденцию, что и в других римских владениях, присоединенных к империи ранее (например, в Галлии и Испании). Римские города имели стандартный набор привычных цивилизованных благ, таких как театры, термы и т. д., и были связаны сетью отличных римских дорог, прослуживших еще без малого тысячелетие. Городское население и правящая кельтская элита перенимали римские обычаи, язык и, вероятно, традиции учености. В пользу этого говорит факт существования уже в более позднее время таких высокообразованных интеллектуалов, воспитанных в римских традициях, как, например, Гильдас, оставивший развернутое описание англосаксонского нашествия и гибели кельто-римской Британии¹. С другой стороны, большую часть территории римской Британии составляли сельскохозяйственные земли, где коренное население сохраняло традиционный уклад жизни и архаичные общественные порядки. Кроме того, вектор романизации ослаблялся тем больше, чем дальше он был направлен от городов в провинцию, особенно на север и запад острова. Эти факторы объясняют, почему после краха империи и ухода римских легионов на континент в начале V в. Британия довольно быстро вернулась к архаическому укладу, постепенно забывая римское наследие. Хранителями последнего была образованная романо-бриттская верхушка в городах, а города постепенно приходили в упадок, как и во многих других частях империи в то время. Развал государственности и возникший вакуум власти повлекли за собой эскалацию межплеменных конфликтов, аграризацию экономики, культурный упадок.

Массовая миграция англосаксов с континента с середины V в. и завоевание ими большей части Британии на протяжении последующих полутора веков принесли мало нового в культурном смысле. Англосаксы находились на том же уровне общественного развития, что и сами бритты, даже уступая им, поскольку не были затронуты романизацией совсем и к тому же являлись выходцами из самой отсталой и климатически неблагоприятной зоны континентального германского мира. Англосаксонское общество, как и кельтское, бы-

¹ Горелов (2009). С. 222–224.

ло аграрным, поэтому потребность в грамотности в нем была минимальна; подавляющее большинство населения составляли крестьяне, всю жизнь проводившие в тяжелом физическом труде. Правящая элита жила в основном военными набегами, а досуг проводила в пирах, охоте и прочих занятиях подобного рода, не требовавших образованности¹.

Аналогичным процессом была массовая миграция скоттов (гэлов) из Ирландии на северо-западное побережье Британии в IV–V вв. Постепенно продвигаясь с запада на восток, скотты к IX в. покорили и ассимилировали автохтонов-пиктов и образовали вместе с ними ядро будущей шотландской народности². Подобно англосаксам в мире германцев, скотты представляли собой самые бедные и отсталые племена в кельтском мире, незнакомые с городской жизнью³. Все эти племена бесконечно воевали между собой и с соседями, пребывая на зачаточной стадии государственности.

В такой сложной обстановке новой движущей силой для возрождения культуры и образования стали два института: христианство с присущей ему церковной организацией и государственная власть, постепенно эволюционировавшая из примитивных военнородовых структур в более стабильные и разветвленные по мере оседания мигрировавших племен на новых землях.

Архаические общества типа кельтского и англосаксонского, не затронутые или очень мало затронутые романизацией, веками сохраняли ту присущую им социальную структуру, которая была обусловлена их экономическим укладом и реалиями жизни. Преобладание рутинных занятий, связанных с применением физической силы (сельскохозяйственного труда, морских промыслов, охоты и войны), минимизировало потребность в какой-либо отдельной от этого уклада жизни надстройке в виде интеллектуальной культуры в современном понимании. Вся совокупность знаний о мире представляла собой интегральный комплекс, объединявший в одно целое практические навыки и технологии, обычаи и правовые традиции племен, религиозные и космогонические представления, моральные нормы, искусство, историческую память, тесно перепле-

¹ Подробнее см.: Глебов (1998).

² Федосов (1996). С. 44–47.

³ Бондаренко (2007). С. 70, 120–121.

тавшуюся с мифологией. С точки зрения древнего человека, все эти сведения представляли собой цельную «мудрость» (ср. англ. wisdom). Отдельные народы Античности, такие как, например, греки и римляне, вплотную подошли к разделению науки и религии, что обуславливалось высоким уровнем развития их цивилизации и, в частности, городской жизни как оплота образования и науки. Однако племенам Британских островов было еще довольно далеко до уровня греков и римлян, а городская жизнь была многим из них и вовсе неизвестна, да и не особо нужна; так, например, в Ирландии города как таковые появились лишь в IX в. стараниями скандинавских пришельцев — викингов, а в более богатой Британии до прихода римлян было фактически всего три города.

Соответственно, в традиционном обществе, не так давно вышедшем из первобытного состояния, знаний было столь мало, что они относительно легко умещались в рамки вышеописанного комплекса, из которого лишь некоторые части были необходимы большинству членов социума для повседневной жизни и усваивались в процессе семейного и трудового воспитания, а минимальный багаж гуманитарных знаний приобретался из народных преданий, песен и поэм сказителей. Все остальное отдавалось в ведение жреческой прослойки, занимавшей в архаических обществах, по сути, ту же социальную нишу, какую в нашем занимают работники умственного труда (с той лишь разницей, что статус жречества был сакрализованным). Однако если в более высокоразвитых обществах Античности бытовала письменность в той или иной форме, позволявшая фиксировать знания, то в случае с народами Британских островов ситуация была иной. У кельтов жреческая прослойка друидов и примыкавших к ним сказителей (филидов) практиковала устное обучение знаниям, поскольку знания, по всей видимости, носили сакральный оттенок, и их передача воспринималась как таинство¹. Это вполне обычно для вышеупомянутой архаической ментальности, в которой не существовало четкого разделения знаний на религиозные и секулярные. Друиды не оставили письменных памятников, да и известно об их деятельности в основном из отрывочных сведений греко-римских ученых и военачальников. По-

¹ Бондаренко (2007). С. 261–264; Шкунаев (1991).

видимому, островные кельты не имели сколько-нибудь развитой письменности вплоть до прихода христианства, поскольку даже их эпические сказания и поэмы были записаны существенно позже времени их создания. Некоторым племенам было известно примитивное огамическое письмо в виде насечек на камне, но оно употреблялось в основном в ритуальных целях (в частности, для надгробных надписей), а не для передачи информации¹. Все это создает большие трудности для историка при реконструкции картины прошлого, поскольку данных археологии и других дисциплин такого рода явно недостаточно.

Аналогичным образом дело обстояло у англосаксов; как и другие германские племена, они знали руническую письменность, однако вплоть до складывания стабильных государств на территории покоренной Британии они использовали руны преимущественно для кратких памятных надписей на камне или дереве. Устные же памятники англосаксонской литературы, такие как «Беовульф» и др., были записаны гораздо позже, уже в христианский период². Что же касается религиозных верований и обычаев как англосаксов, так и кельтов, они вполне обычны для архаического язычества и относительно хорошо известны³, но отнюдь не проливают свет на вопрос о состоянии образования у этих народов, поэтому для ответа на него остается руководствоваться лишь самыми общими предположениями и закономерностями.

Приход христианства стал тем радикальным моментом, который изменил описанную картину на глубоком, качественном уровне. Поскольку распространение христианства по далеким окраинам Римской империи совпало по времени с процессом распада самой империи под ударами варварских нашествий, сложилась парадоксальная ситуация: христианские церковные структуры оказались единственной стабильной системой, пережившей бурные потрясения Великого переселения народов и ставшей не только важным элементом складывающейся у варварских народов ранней государственности, но и своего рода культурным мостом из Античности в Средневековье, по которому осуществлялась трансляция

¹ Широкова (2000). С. 121–126.

² Подробнее см.: Мельникова (1987).

³ Глебов (1998). С. 65–68.

античных знаний, культуры и интеллектуального наследия в оболочке из христианской религии. По-видимому, очевидным превосходством античного культурного багажа следует объяснять тот факт, что христианский клир относительно легко вытеснил прежнее языческое жречество с занимаемых позиций и занял его нишу в варварском обществе, хотя, конечно, не следует сбрасывать со счетов и заинтересованность формирующейся государственной власти (в виде примитивных монархий) в поддержке церкви.

Христианизация Британских островов имела ряд особенностей. Во-первых, христианство проникало туда разными путями, имевшими общие истоки, но затем разошедшимися на несколько веков. Романизированная часть Британии обрела новую религию естественным путем — как часть Римской империи, в которой христианство получило статус государственной религии еще в IV в. Поэтому соответствующие церковные структуры были перенесены туда в готовом виде, по общеимперским образцам. В свою очередь, север Британии и Ирландия, сохранившие независимость от Рима, христианизировались значительно медленнее, в основном благодаря деятельности выходцев из римской Британии, каким-либо образом попадавших туда: иммигрантов, беженцев, военнопленных, миссионеров, странников и т. д. Так, креститель Ирландии св. Патрик был захвачен ирландскими пиратами, то есть попал туда совершенно случайно¹. Во-вторых, различия между церковной жизнью в римской Британии и на кельтской периферии обуславливались самим социально-экономическим укладом этих регионов. Римская церковь существовала в обществе, стержнем которого был античный урбанизм, выросший из полисной цивилизации греко-римского мира. Города были центрами экономической, политической, культурной и религиозной жизни, именно в них располагались резиденции епископов и административные центры диоцезов. Римская церковь к моменту распада империи была прочно встроена в структуру государственной власти и во многом дублировала ее, являясь неотъемлемой частью самой империи. Совсем иная картина имела место в Ирландии, Шотландии и на других кельтских окраинах, сохранивших независимость: это было родоплеменное общество с зачат-

¹ Шкунаев (1991).

ками государственности, примитивной экономикой, отсутствием урбанизма, крайне низким уровнем жизни населения. Церковная жизнь здесь во многом напоминала быт раннехристианских общин, центрами христианства здесь стали монастыри, которые основывались подвижниками и группами их последователей. Эти монастыри напоминали скорее небольшие сельские поселения, вынужденные выживать с помощью аграрного труда и не имевшие иных источников благосостояния в виде сколько-нибудь щедрой поддержки со стороны государственной власти или церковных налогов. Не города как епископские резиденции, а монастыри во главе с аббатами имели здесь главный авторитет¹. Эти глубинные различия и обусловили непохожесть кельтской церкви на римскую. Самобытность кельтской церкви определялась самим уровнем развития того социума, в котором она зародилась и существовала. Бедность и архаичность этого социума предопределила такие характерные черты кельтской церкви, как суровый аскетизм, культ роли странствующего проповедника-миссионера, относительное отсутствие централизма по сравнению с жестко структурированной римской церковью.

Таким образом, к моменту прихода англосаксов христианизация Британских островов уже происходила разными путями. Романизированные бритты сохраняли римское христианское наследие; кельтская периферия была в основном христианизирована в V – первой половине VI в. выходцами из романизированной Британии, приобретая в ходе этого процесса те специфические черты, о которых было сказано выше². Сами англосаксы изначально придерживались традиционных языческих верований и постепенно стали обращаться в христианство лишь с конца VI в., причем этот процесс был отнюдь не гладким и сопровождался кровопролитными конфликтами между многочисленными правителями небольших государств³. Важнейшей вехой в христианизации англосаксов была миссия св. Августина, направленная папой Григорием Великим в 597 г.

¹ Бондаренко (2007). С. 301–304, 313–314; Глебов (1998). С. 72, 74.

² Глебов (1998). С. 73.

³ Поначалу этих государств насчитывалось около полутора десятков, но со временем их количество сократилось до семи за счет слияний и поглощений, а к IX в. — фактически до четырех, имевших решающее политическое значение: Нортумбрии, Мерсии, Восточной Англии и Уэссекса.

в королевство Кент и заложившая основы будущей английской церкви с центром в Кентербери. Последователи Августина постепенно продвигались из Кента все дальше вглубь страны, тогда как на севере англосаксы приобщались к новой вере благодаря деятельности ирландских миссионеров, оплотом которых были островные монастыри Айона, основанный св. Колумбой в 563 г., и Линдисфарн, основанный св. Айданом в 635 г. Два потока христианизации встретились. Для урегулирования обрядовых разногласий между ними был созван собор в Уитби (664), где представители римской церкви во главе со св. Уилфредом одержали победу в дискуссии с северными оппонентами. Это положило начало унификации британской церкви на римский манер и распространению римской модели церковной организации на всю Англию.

Упорядочивание английской церковной организации и приведение ее к римским образцам было связано с деятельностью папского ставленника Теодора (грекоязычного клирика из Тарсы в Малой Азии) и его сподвижника Адриана (латиноязычного уроженца Африки). Они основали монастырскую школу в Кентербери, старейшую в англосаксонской Англии¹. Теодор возглавлял английскую церковь в 668–690 гг., а в 673 г. состоялся собор в Хертфорде, заложивший основы территориально-административной структуры церкви в стране². Единая организация церкви была важным фактором на фоне сохранявшейся политической раздробленности Англии на отдельные государства; христианская культура с самого начала стала своего рода базисом, сплачивающим англосаксов в будущую единую народность. В свою очередь, развитие институтов государственной власти, пусть и в достаточно примитивных раннесредневековых государствах, постепенно требовало наличия сколь угодно образованных кадров, необходимых для функционирования королевских канцелярий, налоговой системы, юридических органов. В условиях традиционного общества такие кадры было способно поставлять только духовное сословие, обладавшее необходимым ресурсом для устройства школ и сохранения традиций учености, привнесенных с континента. Именно поэтому в «золотой век» хри-

¹ Lapidge M. (1986). P. 45.

² Зверева (2008). С. 58–59.

стианства в Англии (2-я пол. VII – 1-я треть VIII в.) происходят масштабное основание и расцвет монастырей и школ при них. Крупнейшими центрами христианской учености были как старые монастыри, упоминавшиеся выше, так и новые — Ярроу, Хексхем, Уитби, Рипон, Мелроуз, Питерборо, Кроулэнд, Или. При монастырях основывались школы для клириков, библиотеки, скриптории. Характерной чертой английских служителей церкви было постоянное поддержание связей с Римом и континентальными коллегами, осуществлявшееся посредством регулярных поездок и паломничеств туда, в том числе с целью обучения в европейских монастырях. Из этих поездок привозились многочисленные книги, оседавшие в монастырских библиотеках и служившие монахам для занятий. Благодаря такой практике церковь Англии, в то время являвшейся далекой периферией римско-католического мира, стала местом расцвета христианской учености и культуры¹. С этим расцветом связаны имена таких выдающихся интеллектуалов и писателей, как св. Альдхельм (640–709), Беда Досточтимый (672 или 673–735), Алкуин (735–804). Их наследие имело огромное культурное значение; так, Альдхельм успешно осуществил синтез англосаксонских и римско-католических литературных традиций; перу Беды принадлежало первое всеобъемлющее произведение по истории Англии и англосаксов («Церковная история англов», 731 г.), что ставит его в один ряд с другими известными историками варварских королевств Европы той эпохи, такими как Григорий Турский, Павел Диакон и др. Наконец, Алкуин известен своей блестящей карьерой при дворе Карла Великого, как один из главных вдохновителей Каролингского возрождения. Нелишним будет заметить, что для английской церкви вообще была характерна активная миссионерская деятельность, по всей видимости, унаследованная от церкви кельтской и в дальнейшем продолжавшаяся на протяжении многих веков (в частности, англосаксонские миссионеры прославились своим массовым участием в крещении Фрисландии и северных окраин Германии в VIII в.², а затем Скандинавских стран в IX–XI вв.) Во времена Альдхельма и Беды создавался первый корпус англосак-

¹ Зверева (2008). С. 72, 75, 77, 128.

² Глебов (1998). С. 86.

сонской церковной литературы — жития, богословские трактаты, произведения о принципах христианской морали.

О том, как выглядело духовное образование в описываемое время, можно судить по биографии Беда Досточтимого, оставившего как обширные ее описания, так и богатейшую переписку с различными церковными интеллектуалами¹. Основанный в 682 г. монастырь Ярроу, в котором жил и работал Беда, стал крупнейшим центром христианской учености на севере Англии. Благодаря своему географическому расположению — на границе англосаксонских государств и кельтской периферии — монастырь был точкой органичного и плодотворного синтеза римско-католической и кельтской церковных традиций. Он располагал богатейшей библиотекой, собранной в результате постоянных и многочисленных контактов как аббатов, так и рядовых монахов с самыми разными центрами духовной жизни в Европе и на Британских островах, осуществлявшихся в виде вышеупомянутых путешествий и переписки. Обычным явлением также был обмен манускриптами между монастырями².

Основу монастырской образовательной программы составляло систематичное чтение и осмысление библейских текстов, агиографии, а также писаний Отцов Церкви, прояснявших и толковавших различные аспекты Священного Писания. Однако сама специфика этих текстов предполагала подключение к учебному процессу целого комплекса вспомогательных дисциплин, необходимых для адекватного изучения столь обширного базиса. Прежде всего, это изучение языков, на которых писалась Библия: латыни, греческого, древнееврейского. В Англии, как и в других северных странах, ситуация осложнялась тем, что для местного населения латынь была чуждым языком, в отличие от романоязычной части Европы. Кроме того, необходимы были познания в математике и астрономии, прежде всего чтобы правильно вычислять Пасху, этот ключевой момент христианской обрядности. Наконец, весьма важным оставался вопрос о приемлемости греко-римского языческого наследия для христианской учености; поскольку христианство пришло к ан-

¹ Зверева (2008). С. 81.

² Там же. С. 75.

глосаксам и другим варварским народам через своего рода историческую призму в лице Римской империи, то для него было неизбежным преломление в ней, впитывание культурного наследия Античности. В этой связи время от времени случались расхождения во мнениях между духовными авторитетами по поводу полезности и применимости этого наследия. Одни (например, Григорий Великий) негативно относились к языческой учености, другие, как Альдхельм, наоборот, считали ее использование целесообразным, более того — любили и ценили античную поэзию, охотно цитировали греческих и римских авторов, использовали их литературные приемы¹. В целом можно говорить о том, что в англосаксонских монастырях победила скорее тенденция к одобрению полезности греко-римского наследия². Поэтому в крупных монастырях, таких как Кентербери или Ярроу, изучались типично «языческие» дисциплины — риторика, метрика, стихосложение, музыка (в основном в рамках церковного пения), а также римское право и фрагменты трудов античных мыслителей, сохранившиеся в основном уже в христианской интерпретации³. Точных списков изучаемой литературы не сохранилось, можно лишь отчасти реконструировать их по гораздо более поздним упоминаниям⁴.

Говоря об организации учебного процесса в монастырских школах, следует иметь в виду следующие особенности. Во-первых, в описываемую эпоху не существовало стандартизации учебных программ, поэтому данный аспект зависел, как правило, от инициатив самого учебного заведения. Жизнь монахов в основном регламентировалась бенедиктинским уставом, отводившим определенное количество времени на отправление религиозных ритуалов, учебу, хозяйственную деятельность. Так, молитвы и богослужения могли иметь место до семи раз в сутки⁵. Физический труд также занимал не менее двух часов в день, и это было не инструментом аскезы, а практической необходимостью, поскольку жизнь всего общества определялась господством натурального хозяйства, основанного на

¹ Зверева (2008). С. 84.

² Там же. С. 85–86.

³ Зверева (2008). С. 107; Lapidge (1986). P. 52.

⁴ Lapidge (1986). P. 62.

⁵ Зверева (2008). С. 72–73.

ручном труде. Поэтому не только простые монахи, но даже люди в чине настоятеля были вынуждены заниматься фактически крестьянской работой — в полях, на мельницах, пасаках, строительстве и ремонте, рыбной ловле и т. д.¹ Таким образом, на ученые занятия оставалось не так уж много времени. Во-вторых, отсутствовали привычные нам классно-урочная система (сформировавшаяся только в Новое время) и возрастное разделение учащихся. Поскольку большинство новичков поступали в монастырь одинаково неграмотными, разделение шло не по возрасту, а по уровням подготовки; очевидно, что для базового овладения навыками чтения священных текстов новоприбывшим следовало для начала хотя бы выучить латынь — основной язык западной церкви, а для работы в скриптории — научиться писать. После освоения этих навыков монаху открывалось более широкое поле интеллектуальной деятельности — чтение трудов Святых Отцов, размышления и комментарии к ним, самостоятельная работа в библиотеке. Важным элементом учебного процесса было чтение вслух, которое проводил учитель для аудитории; эта традиция пришла из античного мира и сохранялась на протяжении всего Средневековья, тогда как индивидуальное чтение, не озвучиваемое на публику, было как раз не столь давним открытием. Это было обусловлено тем, что мир как Античности, так и Средневековья был мало индивидуализирован и основывался по большей части на коллективистских началах, ограничивавших пространство для личной рефлексии над прочитанным. Чтение имело прежде всего дидактическую и морализаторскую ценность. Количественный состав учебных групп также не регламентировался и мог быть различным. Учащиеся могли также брать дополнительные индивидуальные занятия с наставником по той или иной дисциплине.

В-третьих, образование мыслилось не как самоценный опыт, необходимый для практического применения в мирской жизни, а как подсобный инструмент, позволяющий лучше понимать и толковать Священное Писание, в котором уже изначально была заложена вся основа мироустройства, вечная и непогрешимая. Поэтому все изучаемые дисциплины вращались вокруг этой главной цели, ради ее обслуживания. Что касается практического использования

¹ Там же. С. 74.

полученных навыков, поле для их применения было не так велико, учитывая примитивный, аграрный уклад жизни традиционного общества. Конечно, мало-помалу шел процесс развития институтов государственной власти, однако аппарат и делопроизводство в небольших королевствах варваров были довольно невелики. Поскольку управление и сбор налогов осуществлялись в основном военными методами, власть была построена на системе личных связей, а суд и право опирались на традиционные обычаи, государству вполне хватало небольшой прослойки образованных клириков, умеющих записывать законы, вести анналы и фиксировать королевские указы. В образованности остального населения попросту не было объективной потребности. Поэтому главной задачей монастырского образования виделась подготовка священников, более-менее способных правильно вести богослужение в церквях; остальные эффекты образования рассматривались как подсобные, ситуативные. Более того, образование само по себе не являлось обязательным для обитателей монастырей и было относительно добровольным выбором.

В-четвертых, в эпоху рукописных книг и общего упадка образования в Европе не было никаких стандартов и системы обеспечения учащихся соответствующей литературой. Наличие учебных пособий зависело, как правило, от богатства монастырской библиотеки; книги, как уже указывалось выше, добывались подчас с большими трудностями, в ходе дальних странствий и непосредственного обмена между обитателями. Отчасти этот недостаток восполнялся тем, что сами монахи, получив образование, составляли различные учебные пособия, руководствуясь личными предпочтениями относительно их характера, стиля и целесообразности для аудитории. Так, Беда Досточтимый являлся автором многочисленных пособий, написанных для школы в Ярроу, таких как «Об орфографии», «О метрическом искусстве», «Об искусстве счета», «О фигурах и тропах Священного Писания», «Об исчислении времени» и др. Кроме того, Беда перевел Евангелие от Иоанна на древнеанглийский язык для облегчения понимания учащимися-англосаксами этого важнейшего для христиан памятника¹. Базовый курс латыни

¹ Зверева (2008). С. 89.

обычно осваивался с помощью широко распространенной «Граматики» Элия Доната (IV в.)¹, а затем можно было постепенно переходить к чтению трудов Отцов Церкви (Амвросия Медиоланского, Блаженного Августина), житий святых. Что касается собственно Библии, наиболее востребованным и общепринятым на католическом Западе был ее латинский перевод (Вульгата), выполненный св. Иеронимом на рубеже IV–V вв. В отдельных монастырях могли встречаться и греческие переводы библейских текстов, но, по видимому, довольно фрагментарно². Что же касается текстов грекоязычных христианских авторов, а также античных языческих писателей и поэтов, они были доступны английской аудитории в основном в отрывочных переводах и цитатах через латинскую христианскую литературу. Немаловажно отметить, что церковь не одобряла увлечения греко-римской античной книжностью ввиду ее нехристианского характера и даже расценивала это как ересь. Поэтому из нее бралось только то, что приносило утилитарную пользу при изучении вспомогательных предметов (языка и т. д.) В остальном англосаксонским клирикам были в редких случаях фрагментарно известны отдельные античные авторы (например, Вергилий, Овидий), но их наследие использовалось во многом как подсобный инструмент для изучения правил стихосложения, а не ради эстетического удовольствия. Аналогичным образом во времена Беды Досточтимого могли читать труды, например, Плиния, Макробия, Вегеция, но для этого требовался достаточно высокий уровень грамотности и интеллектуальной подготовки, доступный единицам. Определенное практическое значение также имели работы античных христианских авторов, таких как Исидор Севильский, Дионисий Малый и др., позволявшие правильно толковать различные аспекты Священного Писания, вычислять дату Пасхи и т. д.³ В целом, как отмечает, например, современная исследовательница И. Думитреску, создать сколько-нибудь целостную картину образования в англосаксонскую эпоху не представляется на сегодняшний день реальной задачей ввиду отсутствия как достаточного количества источников, так и каких-либо стандартов в учебных програм-

¹ Там же. С. 94.

² Там же. С. 82–83, 87, 99.

³ Там же. С. 85–87.

мах, списках литературы для чтения и обучения, и тому подобных деталей¹.

Хотя сведения об организации учебного процесса и педагогических приемах в монастырских школах, дошедшие до нас, относятся в основном к более позднему времени (IX–XI вв.), с известной степенью допущения можно опираться на них и применительно к рассматриваемому здесь периоду, учитывая общий консерватизм и традиционность средневековой системы образования и состояния знаний в целом. Так, важной формой построения занятий был диалог между учителем и учеником, а также между самими учениками под надзором учителя. Подобный пример можно найти в дидактических трудах Алкуина, где, в частности, описана беседа учителя и двух учащихся; ученики ведут диалог в форме «вопрос — ответ», а в сложных случаях обращаются с вопросами к наставнику. Диалог как средство постижения истины, мудрости пришел в средневековую педагогику из античной традиции (Платон и др.) и был удобен тем, что оставлял ученикам место для интерпретаций и оттачивания логики, служа таким образом способом развития интеллекта. Восприняв эту традицию, сами англосаксонские авторы потом плодотворно сочиняли собственные дидактические диалоги².

Другим своеобразным средством преподавания материала были загадки, в занимательной форме предлагавшие лексико-семантический анализ слов и понятий. Такая форма, по-видимому, была особенно подходящей для учеников, только что вступивших из детского возраста в отроческий и сохраняющих, по сути, детское восприятие. Важность жанра загадок возрастала по причине необходимости упражнений в переводе, поскольку латынь и греческий изначально были чужими для англосаксов языками. Загадки, написанные и озвучивавшиеся в двуязычном виде, способствовали лучшему усвоению учащимися иноязычных терминов, раскрывали различные их значения, скрытые смыслы и оттенки, развивали навыки словесности, таким образом прокладывая путь к дальнейшему освоению книжности³. Широко известны, например, загадки св. Альдхельма, ставшие одним из значимых памятников англосаксонской литературы.

¹ Dumitrescu (2018). P. 11.

² Orchard (2018). P. 164, 166, 171; Dumitrescu (2018). P. 4–5.

³ Dumitrescu (2018). P. 4.

Таким образом, можно заметить, что монастырское образование в англосаксонской Англии даже во времена своего расцвета было достаточно мозаичным, лишенным систематичности. Существовая в условиях крайней бедности интеллектуальных, организационных и материальных ресурсов, необходимых для его обеспечения, оно во многом опиралось на идею личного восхождения к высотам познания, успех которого зависел от самого учащегося. В результате учебного процесса мог сформироваться как полуграмотный сельский священник, более-менее обученный азам проведения церковной службы¹, так и блестящий ученый масштаба Беды и Алкуина, способный самостоятельно писать учебные пособия, богословские трактаты, исторические труды, поэмы, рассуждения об устройстве мира. Как и в дохристианских традиционных обществах, объем знаний оставался столь малым и отрывочным, что образованный представитель клира, как и языческий жрец, мог владеть, по сути, всем комплексом этих знаний, составлявшим единое целое из науки, религии, мифологии и практических навыков. В связи с этим можно вспомнить высказывание Григория Великого, в котором он уподоблял учителя музыканту, играющему на арфе; каждая струна символизировала различные страты общества, к которым принадлежали ученики, и, соответственно, игра на этих струнах должна была вестись с учетом разных педагогических задач, ставившихся в соответствии со статусом и дальнейшим жизненным предназначением учащегося².

Конец эпохе расцвета англосаксонской христианской культуры и учености был положен набегами викингов на Британские острова в конце VIII–IX вв. Многие монастыри были разрушены и разграблены, начался период постоянных войн и значительного культурного упадка. В дальнейшем возрождение англосаксонской книжности и образования было связано с правлением Альфреда Великого и его наследников, сумевших справиться с этими вызовами (кон. IX – X в.).

Материал поступил в редакцию 10.03.2025

Материал поступил в редакцию после рецензирования 19.03.2025

¹ Глебов (1998). С. 85.

² Dumitrescu (2018). P. 12.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бондаренко, Г.В. (2007) *Повседневная жизнь древних кельтов*. М.: Молодая гвардия [Bondarenko, G.V. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' drevnih kel'tov*. М.: Molodaja gvardija].
- Глебов, А.Г. (1998) *Англия в раннее средневековье*. Воронеж: Евразия [Glebov, A.G. (1998) *Angliya v rannee srednevekov'e*. Voronezh: Evrazija].
- Горелов, М.М. (2009) «Представления о конце света (по «Проповеди Волка англам» архиепископа Вульфстана)», *Диалог со временем*, 28, 208–223. [Gorelov, M.M. (2009) «Predstavleniya o konce sveta (po «Propovedi Volka anglam» arhiiepiskopa Vul'fstana)», *Dialog so vremenem*, 28, 208–223].
- Зверева, В.В. (2008) *«Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время*. СПб.: Алетея [Zvereva, V.V. (2008) «Novoe solnce na Zapade». *Beda Dostopochtennyj i ego vremya*. SPb.: Aletejja].
- Мельникова, Е.А. (1987) *Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе*. М.: Мысль [Mel'nikova, E.A. (1987) *Mech i lira: anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i ehpose*. М.: Mysl'].
- Федосов, Д.Г. (1996) *Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века*. М.: ИВИ РАН [Fedosov, D.G. (1996) *Rozhdyonnaya v bitvah. Shotlandiya do konca XIV veka*. М.: IVI RAN].
- Широкова, Н.С. (2000) *Культура кельтов и нордическая традиция античности*. СПб: Евразия [Shirokova, N.S. (2000) *Kul'tura kel'tov i nordicheskaya tradiciya antichnosti*. SPb: Evrazija]
- Шкунаев, С.В. (1991) *Герои и хранители ирландских преданий* - <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/shkunaev-geroi.htm> [Shkunaev, S.V. (1991) *Geroi i hraniteli irlandskih predanij* - <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/shkunaev-geroi.htm>]
- Dumitrescu, I. (2018) *The Experience of Education in Anglo-Saxon Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lapidge, M. (1986) “The School of Theodore and Hadrian”, *Anglo-Saxon England*, 15, 45–72.
- Orchard, A. (2018) “Alcuin’s Educational Dispute: The Riddle of Teaching and The Teaching of Riddles”, in S. Irvine, W.Rudolf, eds. *Childhood and Adolescence in Anglo-Saxon Literary Culture*. Toronto: University of Toronto Press, 162–176.

CHRISTIANIZATION AND EDUCATION
IN LATE ANTIQUE BRITAIN
(6TH – 8TH CENTURIES)

Maxim M. GORELOV

The emergence and development of early statehood among the peoples of the British Isles during the Migration Period were accompanied by processes of Christianization and the formation of a new, medieval culture. The transition from an archaic society to a more advanced stage necessitated a supply of educated personnel essential for the functioning of both the Church and the state apparatus. Under these conditions, traditional educational institutions gradually lost their former character. The pagan priesthood, which had previously served as the custodian of knowledge and customs, gave way to the Christian clergy. Monasteries became centers of education and literacy. In Britain, Roman Catholic and Celtic ecclesiastical traditions merged naturally, fostering a cultural and intellectual revival in the Late Antique period. However, the level of monastic education remained relatively low, reflecting the broader stage of societal development. The learning process lacked structure, relying heavily on the individual commitment of students, who could reach considerable intellectual heights if sufficiently motivated. Education was seen not as a standardized system but as a personal journey of faith and knowledge — a “Christian path.” A key aspect of this educational process was the reinterpretation of classical knowledge through the lens of new religious worldviews. However, this process was neither centralized nor linear; it varied across regions, shaped by local traditions and the influence of spiritual authorities. The island peoples, whose early state structures remained largely tribal, allowed ecclesiastical institutions considerable autonomy in shaping new cultural norms. Views on classical heritage differed among Church figures. Some saw it as a relic of paganism and approached it with skepticism, while others valued it highly, particularly given the lack of alternative teaching methods. At the same time, classical Antiquity offered early medieval societies an extensive body of knowledge about the world — one that was not only intellectually significant but also practically indispensable. This inevitably led to a synthesis of the two cultural traditions.